

© Татьяна Цивьян – автор, 2010
© Jack Feuillet – автор, 2010
© Zlatka Guentchéva – автор, 2010
© Петя Асенова – автор, 2010
© Victor Friedman – автор, 2010
© Thede Kahl – автор, 2010
© Petrea Lindenbauer – автор, 2010
© Michael Metzeltin – автор, 2010
© Ingmar Söhrman – автор, 2010
© Христина Марку – автор, 2010
© Anastasiya Petrova – автор, 2010
© Ценка Иванова – автор, 2010
© Helmut Schaller – автор, 2010
© Олга Младенова – автор, 2010
© Дарина Младенова – автор, 2010
© Уте Дукова – автор, 2010
© Todor Todorov – автор, 2010
© Birgit Igla – автор, 2010
© Издателство „Фабер“, 2010

ISBN 978–954–400–357–9

ГЛАГОЛНАТА СИСТЕМА НА БАЛКАНСКИТЕ ЕЗИЦИ – НАСЛЕДСТВО И НЕОЛОГИЯ

*Сборник доклади от Международна научна конференция
(ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, 30.IV–2.V.2009 г.)*

Редакционна колегия:

проф. д-р Петя Асенова
доц. д-р Анастасия Петрова
доц. д-р Ценка Иванова

Оформление Силвия Георгиева
Корица Ивелина Николчева

Формат 60x84/16

Печатни коли 17

FABER – В. Търново (062) 600 650; www.faber-bg.com

ГЛАГОЛНАТА СИСТЕМА НА БАЛКАНСКИТЕ ЕЗИЦИ – НАСЛЕДСТВО И НЕОЛОГИЯ

THE VERBAL SYSTEM OF THE BALKAN LANGUAGES – HERITAGE AND NEOLOGY

*Сборник доклади от Международна научна конференция
(ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, 30.IV–2.V.2009 г.)*

3. Neue Tendenzen zum Synthetismus und Analytismus im Neubulgarischen, z. B. die Einschränkungen analytischer Verbalformen, möglicherweise unter dem Einfluss des Türkischen sowie parallele Formen zum Neugriechischen bei der Verwendung analytischer Formen des Imperativs.

Die vorangegangenen Überlegungen beschränken sich auf einige typologische Gesichtspunkte der historischen Entwicklung des Bulgarischen und seine heutige morpho-syntaktische Struktur. Gerade der noch ausstehende Vergleich der Besonderheiten des bulgarischen Verbalsystems mit den anderen Balkansprachen könnte in der Zukunft einen wichtigen Beitrag zur Balkanlinguistik bedeuten.

Олга Младенова (Калгари)

omladeno@ucalgary.ca

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК НА ПОЛПУТИ ОТ ЗАЛОГА НЕАКТИВНОГО К ЗАЛОГУ ПАССИВНОМУ

BULGARIAN ON THE ROAD FROM A NON-ACTIVE TO A PASSIVE GRAMMATICAL VOICE

The article shows how speakers of Bulgarian choose whether to express the passive voice by a participial construction or a reflexive verb based on the following criteria: the specificity/ genericity of the real-world event designated by the sentence, the availability of an agency that exerts control over the action and the correlation between the hierarchies of referents, semantic roles and syntactic positions. These same criteria also determine the possibility of passivization and the diachronic processes which have affected the Bulgarian passive voice over the centuries. Since these processes are shown to have the characteristics of an externally motivated or marked evolution as postulated by H. Andersen, they acquire a greater significance for Balkan linguistics. In conclusion the article proposes a model of the evolution of the Bulgarian passive voice.

Keywords: генеричность, грамматическая категория лица, диатеза, иерархия семантических ролей, иерархия синтаксических позиций, контролируемость действия, маркированность, одушевленность, онтологическая иерархия, пассив, специфичность.

Целью этой работы является интерпретация меняющейся со временем дистрибуции двух форм, выражающих страдательный залог в болгарском языке: возвратный глагол и причастная конструкция. Работа состоит из трех частей. В первой части показано как употребляются диатезы агентивная и безагентивная пассивная по сравнению с диатезами декаузативной и рефлексивно-каузативной в новоболгарских текстах XVII в. и в современном болгарском литературном языке. Устанавливается, что как более широкое присутствие причастных пассивов в древнеболгарском периоде по сравнению с новоболгарским, так и сужение применения возвратных пассивов в течение но-

воболгарского периода можно увязать с критерием специфичности/генеричности ситуации, выраженной предложением. Вторая часть работы вводит понятие контролируемости действия. Выясняется, что пассивизация предикатов специфического неконтролируемого действия в целом затруднена. В третьей части аргументируется значение корреляции иерархий трех уровней (референтов, семантических ролей и синтаксических позиций) как для пассивизации, так и для выбора между возвратной и причастной формами пассива и утверждается, что динамика взаимоотношений между возвратным пассивом и причастным пассивом выявляет закономерности т. наз. маркированной инновации, возникающей в условиях языкового контакта, в соответствии с теорией, выдвинутой Х. Андерсеном. В конце работы предлагается модель эволюции страдательного залога в болгарском языке.

1. Возвратный пассив и причастный пассив (XVII–XXI вв.)

Более чем полвека назад, Л. Андрейчин, рассматривая залоговую систему болгарского языка, отметил, что если возвратная форма какого-то глагола может иметь в данном контексте кроме пассивного еще и собственно-возвратное значение, то для того, чтобы избежать двусмысленности, следует использовать причастно-страдательную форму для выражения пассивного значения (Андрейчин 1956: 120). Для иллюстрации этого положения он приводит предложения под номером (1).

(1)

- а. Масата бързо се заобиколи от гостите.
- б. Домакинът се заобиколи от гостите.
- в. Домакинът бе (биде)¹ заобиколен от гостите.

Применяя трехуровневую модель залога Эммы Генюшене (Geniušienė 1987), разработанную в русле теории залога Петербургской типологической школы, берущей свое начало от пионерских работ А. А. Холодовича и И. А. Мельчука (Холодович 1974), два альтернативных чтения предложения (1б) можно представить так.

¹ Об этой устаревшей форме см. Баракова 1980: 145; Маслов 1981: 270.

(2) а. Пассивная диатеза

Участники
обозначаемой
предикатом
ситуации
Семантические
актанты
Синтаксические
актанты

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агнс (Деятель)
Подлежащее	Агентивное дополнение

б. Рефлексивная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект/ Агнс	Средство
Подлежащее	Косвенное дополнение

Две производные диатезы исходного двухместного предиката *заобиколя* представлены под номерами (2а) – пассивная – и (2б) – рефлексивная. Термин ‘диатеза’ используется для обозначения каждого определенного соотношения между тремя уровнями: референты, их семантические роли и именные члены предложения, заполняющие валентности данной предикатной словоформы.

Однако, поиск в интернете подтвердил, что в тех случаях, когда второй личный референт выполняет семантическую роль средства, а не деятеля, употребляется предлог *с*: *заобикалям се с красиви момичета, с царедворци, с некадърни хора, с приятели и роднини* и т.д.² Иными словами, хотя предложение (1б) действительно неприемлемо, в этом вряд ли повинна его потенциальная двусмысленность. Следует искать другое объяснение.

Диаграмма диатезы предложения (1а), приемлемость которого Л. Андрейчиным не обсуждается, но как будто считается бесспорной, представлена под номером (3).

(3) Пассивная диатеза с неодушевленным объектом действия

Неодушевленный предмет	Лицо
Объект	Агнс (Деятель)
Подлежащее	Агентивное дополнение

² Трудно согласиться с П. Бараковой, поддерживающей мнение, высказанное ранее Еленой Георгиевой, что предлог *с* в таких предложениях вводит агентивное дополнение точно так же, как это делает и предлог *от*. Более того, она распространяет эту функцию и на предлоги *в* и *сред* (1980: 170–171).

В болгарской лингвистической литературе (в отличие, например, от греческой) принято считать, что у причастного и возвратного пассивов есть свои, независимые друг от друга, параллельные парадигмы. При этом формы причастного пассива характеризуются темпоральной многозначностью, а формы возвратного пассива – темпорально однозначны (Баракова 1978). Наблюдаются статистические закономерности, указывающие на предпочтительную соотносимость одной или другой из форм с какими-то определенными временами или видом глагола. Так, например, в настоящем времени и в имперфекте причастному пассиву предпочитают возвратный пассив, формы возвратного пассива таких времен как перфект, плюсквамперфект и будущее предварительное (*futurum exactum*) практически не встречаются, а огромное большинство причастно-пассивных форм – совершенного вида. Другими важными факторами, определяющими выбор между возвратным и причастным пассивом, считаются грамматическая категория лица и оппозиция по одушевленности (Андрейчин 1956; Пенчев 1972; Рожновская 1976; Баракова 1980; Маслов 1981; Иванова 1983). Возвратный пассив характеризуется подчеркнутой процессуальностью, тогда как причастный пассив сохраняет и унаследованную от причастия, при помощи которого он образован, способность выражать состояние (Баракова 1980: 139, 141–142). Страдательный залог имеется, в основном, у переходных глаголов, но безличные пассивы обоих типов могут образовываться и от некоторых непереходных глаголов, одноместных предикатов, ср. напр., *Оттук не се минава. По тревата е ходено* (Иванова 1983: 254–255). Дальнейшее изложение ограничено двухместными предикатами типа *заобиколя*.

Те же формы страдательного залога (возвратный и причастный пассив) засвидетельствованы и в классических текстах древнеболгарского периода, где в причастном пассиве иногда может быть представлено страдательное причастие настоящего времени, которое было позже утрачено (Мирчев 1972: 91). В рукописях Преславской школы причастный пассив кирилло-мефодиевских текстов систематически заменялся на возвратный пассив, что происходило по мнению медиевистов под влиянием греческих оригиналов (Алек-

сеев 1988: 134).³ По наблюдениям Маргулисса, возвратный пассив в современных славянских языках применяется менее широко, чем он применялся в древнейших текстах (Margulíes 1924: 186). Отмечается, что и у писателей XIX в. возвратный пассив встречается чаще, чем теперь (Иванова 1983: 248). По подсчетам П. Бараковой (1980: 140) Иван Вазов (1850–1921) употребляет возвратный пассив в два раза чаще, чем причастный, тогда как у Павла Вежинова (1914–1983) и Богомила Райнова (1919–2007) преобладают причастные пассивы. Считается, что возвратный пассив находится в конкуренции с причастным пассивом в будущем времени, в будущем времени в прошедшем (*futurum praeteriti*), в аористе, в имперфекте и в несамостоятельном настоящем времени, тогда как наблюдаемое вытеснение возвратного пассива причастным пассивом ограничено аористом (Баракова 1980: 197). При этом, для иллюстрации прежнего, более широкого, употребления возвратных пассивов цитируются примеры типа (1а), диатеза которых представлена под номером (3). Такие же примеры приводятся здесь под номерами (4) и (5):

- (4) Скоро те хванаха да дохождат по един, по двама и дългнестата маса наред кръмата *се заобиколи* от изгладнели хора, които с лъжици в ръцете нетърпеливо чакаха да им напълни Странджата блюдата. (Иванова 1983: 254–255 – Иван Вазов)
- (5) Трапезата *се вдигна* и кафето *се подаде* от едно високо, румено, чернооко момиче, облечено в черно, което не обърна никакво внимание. (Иванова 1983: 254–255 – Иван Вазов)

Более того, в ранних новоболгарских текстах XVII и XVIII вв., так называемых дамаскинах, тоже присутствуют и возвратный, и причастный пассив, но возвратный пассив употребляется шире, чем это принято в современном болгарском литературном языке. Примеров, не подлежащих альтернативным чтениям, однако, не очень много. Приведу три с эксплицитным агентивным дополнением:

³ Хочу поблагодарить А.А. Пичхадзе, обратившую мое внимание на этот пласт научной литературы.

- (6) едекой царъ съсъ толкози войска *надви са* от другиго цара дето имаше по-мал'ко сила (Милетич 1923: 77)
 (7) и *в[а]го[с]ло[ви] се* царъ ѿ него (Демина 1971: 158)
 (8) и *кр[ъ]сти сетогази* гда ѿ ев'севїа архїеп[и]ск[о]па рим'скаго (Демина 1971: 67)

Диаграмма пассивной диатезы этих трех предложений была показана выше под номером (2а). В дамаскинах есть и бесспорные примеры возвратного пассива, в которых агентивное дополнение опущено, например, *колко се в тъмница затвориша* в предложении под номером (9).

- (9) И кол'цына чл[овѣ]ци засыромашѣха ѿ безѣмно вѣно, пїйство. и кол'ко *се* въ тъмницѣ *затвориша* ради беззаконна равота что се чїни на пїанство (Демина 1971: 138)

Диаграмма пассивной диатезы предложения (9) представлена под номером (10). Агентивное дополнение стоит в скобках, потому что его можно было бы добавить — позиция для него в предложении сохраняется. Генюшене называет пассив такого рода как в примерах (6)-(8) агентивным, чтобы отличить его от безагентивного, при котором выражение деятеля в принципе невозможно (Geniušienė 1987: 266).

- (10) Пассивная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агенс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

В соответствие с нормами современного литературного языка следовало бы сказать *царят беше надвит* (или *победен*) *от друг цар* (6), *царят беше благословен от него* (7), *беше кръстен от Евсевий* (8) и *колко хора бяха затворени в тъмница* (9). Чередование возвратных и причастных пассивов наблюдается и между разными списками или разными переводами одного и того же текста, как, например, в примерах (11а) и (11б):

- (11) а. а той поиска да разумѣ, и тутакси стана преступник' и *исп'ди са* из рай (Милетич 1923: 77)
 б. а той се наемаше да разѣмѣ: и затова като прѣстыпникъ в[о]жїй *из'пѣдєнь бы* ѿт рай (Иванова 1967: 203)

При желании можно также вообще избежать страдательный залог. Именно такой подход к предложению, представленному по Свиштовскому дамаскину в примере (6), был выбран в Тихонравовском варианте Слова на Рождество Христово, см. (12):

- (12) кога чюе нѣкой чл[овѣ]къ за нѣкого сил'наго цара дето има сил'на войска и *навил'мѣ* е дрѣгїи царъ помал'къ дето има по мал'ко войска (Демина 1971: 258)

Грани: агентивная и безагентивная пассивные диатезы

Грамматичность агентивного и безагентивного возвратных пассивов оценивается современными носителями болгарского языка по-разному. Сравните, например, предложения под номерами (13) и (14).

- (13) а. и *погребе се* и слѣзе въ адъ (Демина 1971: 118)
 б. дали подовае *да се погребе* тѣлото на тѣзи пр[е]подобницѣ (Демина 1971: 199)
 (14) а. 8 ѿнѣзи ноцѣ дето *цѣлше* х[ристо]с *да се прѣдаде* 8зе хлѣвъ и рече на ап[о]с[то]лете (Демина 1971: 186)
 б. и чюх глас чѣ каже. *да се прѣдаде* тази д[у]ша въ р'цѣ тар'тарови сыцомѣ адѣ несѣтомѣ (Демина 1971: 253)

Их диатезы соответствуют диаграммам (15а) и (15б). Агентивная диатеза, представленная в (13а) и (14а) неприемлема для носителя современного литературного языка, а безагентивная пассивная диатеза в (13б) и (14б) встречается в современных текстах так же часто, как и в дамаскинах.⁴

⁴ У Рожновской есть большая выборка примеров из художественной литературы и публицистики, содержащих безагентивные возвратные пассивы с одушевленными и неодушевленными подлежащими (Рожновская 1976: 304–305).

(15)

а. Агентивная пассивная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агенси
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

б. Безагентивная пассивная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агенси
Подлежащее	Ø

Как указывается в лингвистической литературе, при безагентивной пассивной диатезе предикатом обозначается неспецифическая ситуация, которая предполагает неспецифический деятель (Kaufmann 2004: 172).⁵ В то же время агентивная пассивная диатеза может работать в двух режимах: специфичности и неспецифичности. Как показывают редкие примеры типа (16) и (17), неспецифические ситуации могут выражаться в дамаскинах обоими видами пассива, но возражений у носителей современного литературного языка такие примеры не вызывают.

(16) и в[аго]словише ю, пакъ послѣдно в[аго]словеніе дето не може ни ѿ кого да се развали (Демина 1971: 153)

(17) И кого в[аго]с[ло]вѣше, бѣваше в[аго]с[ло]вень. и кого бѣ проклеа бѣваше проклеа (Демина 1971: 121)

Однако, категория специфичности недостаточна для полного объяснения дистрибуции двух видов пассива в болгарском языке. Маргулиес упоминает вариацию между двумя древнеболгарскими переводами евангельского текста Марк 12: 23 (Margulies 1924: 13), которые я привожу под номером (18):

(18) а. отъ агоды во дрѣво знатъ сѧ (Саввина книга XI в., 19, 39)

(19) б. отъ плода во дрѣво познано бѣдетъ (Мариинское четвероевангелие XI в., 40, 10)

⁵ Интересные свойства неспецифических пассивов в разных языках исследовались с различных теоретических позиций и другими учеными, ср., например, Chierchia 1995; Koenig 1999: 235–251. Применительно к болгарскому языку, неспецифический и генерический пассив рассматриваются П. Бараковой под именем *потенциально-модальный пассив* (1980: 151, 176–177, 189–197).

Возвратный пассив в таком безагентивном генерическом предложении как (18а) можно употребить и в современном языке (Баракова 1980: 148, 153) – ср. примеры (19)–(20), – но причастный пассив делает такое предложение грамматически неправильным. В то же время, за модальным глаголом может следовать причастный пассив, как показано в (19в) и (20в).

(19) а. Дървото се познава по плода си.

б. *Дървото е познато /ще бъде познато по плода си.

в. Дървото може да бъде познато по плода си.

(20) а. Чер гологан не се губи.

б. *Чер гологан не е губен.

в. Чер гологан не може да бъде загубен.

Тот факт, что параметры употребления пассива зависят от специфичности/генеричности ситуации, обозначенной предикатом, тогда как глагольный вид и глагольное время соотносятся с оппозициями специфичности и генеричности (Золотова, Онипенко и Сидорова 1998: 29–35, 393–400; Mladenova 2007: 56–59), позволяет рассматривать в новом свете установленные ранее зависимости между формами пассива и видо-временной системой глагола. Генерические ситуации, в которых представлены генерические дескрипции, обозначаются настоящим временем. Глаголы несовершенного вида, обозначающие привычные, повторяющиеся действия, систематически сочетаются с неспецифическими дескрипциями, а глаголы совершенного вида в сочетании со специфическими референтами обозначают специфические ситуации.

Итак, следует прийти к выводу, что в XI в. причастный пассив мог употребляться шире, чем в новоболгарских дамаскинах XVII в., в которых такие примеры мне не попадались, или в современном болгарском литературном языке. В XI в. причастный и возвратный пассивы сочетались не только со специфическими и собственно неспецифическими, но и с генерическими референтами. В каком-то периоде, предшествующем XVII в., сочетаемость причастного пассива сузилась. Замену причастного пассива на возвратный пассив в памятниках Преславской школы нельзя считать чисто книжным явлением,

возникшим под влиянием греческих оригиналов, потому что если бы это было так, то трудно понять как и почему употребление причастного пассива сузилось в болгарском языке. Относительно параметра генеричности внутри более широкой неспецифической категории, причастный пассив стал к XVII в. маркированным членом оппозиции по сравнению с возвратным пассивом. После XVII в. изменениям подверглась лишь агентивная пассивная диатеза, которая была (а) выражена возвратным пассивом и (б) предикат которой обозначал специфическую ситуацию. Таблица под номером (21) обобщает эти наблюдения над эволюцией во времени взаимосвязи между формами пассива и оппозиций генеричности и специфичности.

(21) Форма пассива в генерических, неспецифических и специфических контекстах

	Генерический контекст	Негенерический контекст	
		Неспецифический контекст	Специфический контекст
XI в.	возвратный пассив (18а) причастный пассив (18б)	возвратный пассив ⁶ причастный пассив ⁷	возвратный пассив ⁸ причастный пассив ⁹
XVII в.	возвратный пассив	возвратный пассив причастный пассив	возвратный пассив причастный пассив
XX–XXI вв.	возвратный пассив	возвратный пассив причастный пассив	причастный пассив

⁶ Ср., например, *извържеть сѧ вонъ ѿкоже розга и исъшетъ* (Margulícs 1924: 189 – Маринское четвероевангелие 378, 16; Иоанн 15:6)

⁷ Ср., например, *Янтонинъ глагола: възгнѣхте огнь и раждѣхте сковрадѣ. да възврѣженъ вѣдетъ въ нѣ. да тѣмъ вѣдѣтъ вѣшъвѣи его побѣжденъ* (Супрасльская рукопись XI в. 157, 13–16).

⁸ Ср., например, *Слыши что творить въ то время въ нѣже сѧ прѣда* (Супрасльская рукопись XI в. 726, 10–11).

⁹ Ср., например, *възведенъ вѣстъ Исусъ доухомъ въ поустыни искуси ти сѧ отъ дѣвола* (Margulícs 1924: 192 – Маринское четвероевангелие 7, 27; Матвей 4:1).

Грани: пассивная и декаузативная диатезы

Кроме примеров, пассивное чтение которых бесспорно, в дамаскинах есть и довольно много предложений, поддающихся альтернативным чтениям. Я рассмотрю здесь две группы таких примеров. В первой из них чтение варьирует между диатезами, показанными на диаграммах (22а) и (22б):

(22) а. Пассивная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агенс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

б. Декаузативная диатеза

Лицо
Объект
Подлежащее

Предложению (23а), для носителей современного литературного болгарского языка неприемлемому, соответствует диаграмма (22а). Если понимать предложение (23б) как пассив с невыраженным агентивным дополнением, то с современной точки зрения оно тоже неприемлемо. Если, однако, принять для него декаузативное чтение, то против него возражений не имеется. Болгарские одноместные предикаты, образованные от переходных каузативов при помощи возвратного маркера *се*, продолжают широко использоваться. В данном случае от исходного каузатива *мъча* (някого) ‘причинять мучения, делать так, чтобы кто-то мучился’ образован глагол *мъча се* ‘мучиться’. Я не утверждаю, что у предложения (23б) по задумке его автора на самом деле должно было быть именно пассивное, а не декаузативное чтение. Судя по примеру (23а), однако, такое чтение у него могло быть. Эта возможность не существует для носителей современного литературного болгарского языка.

(23) а. *единородны с[и]нь <...> не търпѣ да гледа ѹл[овѣ] уѣскѣи рѣдѣ ѿ дѣвола да се мъчи* (Демина 1971: 162)

б. *а които не върѣваха остаха да се мъчатъ и досега* (Демина 1971: 284)

Декаузативные возвратные глаголы широко распространены в разных языках мира, а декаузативное значение тесно связано с собс-

твенно рефлексивным (Geniušienė 1987: 257–261). Так как деривация при помощи возвратной частицы – лишь один из способов образования производных декаузативных глаголов, в разных языках, или в одном и том же языке на разных стадиях его развития, способы образования конкретных декаузативов могут не совпадать. Например, в (24а) и (24б) употреблены два разных декаузатива от *потоя*: *потъна* и *потоя се*. Для автора текста они, видимо, равноценны. В настоящее время употребляется лишь декаузатив *потъна*. Пассив *потоя се* в (24в) тоже неприемлем.

- (24) а. а сѡн'зи ѡл[ове]къ като *потъна* със' ѡдеждѣта си въ морето на дѣното. а тои привика (Демина 1971: 179)
 б. и мноѡго воиска *потопи се* и ѡдавише се (Демина 1971: 130)
 в. Въ сѡнова врѣме нѣкѣи коравници, *цѣха да се потопатъ* оу морето със' корабете си ѡ голѣма вѣра (Демина 1971: 177)

Итак, предложения, в которых возвратный глагол может быть истолкован не только как пассив (диаграмма 22а), но и как декаузатив (диаграмма 22б) продолжают восприниматься как грамматически правильные за счет того, что глаголу автоматически приписывается декаузативное чтение.

Грани: пассивная и рефлексивно-каузативная диатезы

Есть еще и другая группа предикатов, субъектом которых является Иисус Христос, таких как *вдигна се на кръст*, *разне се*, *погребѣ се*, для которых можно выбирать между двумя диатезами: (25а) и (25б).

- (25) а. Пассивная диатеза б. Рефлексивно-каузативная диатеза

Лицо ¹	Лицо ²
Объект	Агенс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

Лицо ¹	Лицо ²
Инициатор/ Объект ¹	Объект ² / Агенс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

Генюшене интерпретирует рефлексивно-каузативную диатезу следующим образом. Каждый из участников обозначаемой предикатом ситуации – Игрек (первое лицо) и Икс (второе лицо) – выполняет одновременно две семантические роли. Игрек делает так, чтобы Икс совершил по отношению к нему, Игреку, некое действие, выраженное предикатом. Игрек – одновременно инициатор действия и его объект, а Икс – одновременно объект каузации и деятель (Geniušienė 1987: 124–125). Типичные предикаты этой категории – *стричься* (*у парикмахера*), *лечиться* (*в лучшей больнице*). Модель рефлексивно-каузативной диатезы (25б) стоит в основе предложения (26).

- (26) х[ристо]с ходи в чер'кова в[о]жѣа, та *се оврѣза* по законъ мѡѡсеевъ (Демина 1971: 207)

Более сложно обстоят дела с примером (27), подлежащим которого тоже является Иисус Христос. Если подвести предложение (27) под чтение (25а), оно делается неприемлемым. В таком случае сразу хочется заменить возвратный пассив на причастный и сказать *беше положен в гроб, за да възкреси нас*. Если, однако, придерживаться чтения (25б), которое, кстати, лучше вписывается в христианскую доктрину, тогда претензий к грамматичности предложения не возникает.

- (27) въ гроб' *се положи* да възкрѣси нас (Демина 1971: 279)

Примеры такого рода проливают яркий свет на параметры, в рамках которых современные носители болгарского языка выбирают возвратные формы или, наоборот, причастные конструкции. Ключевое слово здесь *намеренно*. Если, в соответствии с учением христианской церкви, считать, что Иисус Христос *намеренно* подвергся мучениям, чтобы спасти всех нас, можно говорить об этом используя возвратные формы. Причастная конструкция употребляется в тех случаях, когда внимание обращено не на божественный промысел. Если судить по таким примерам, как (6)–(9), носители болгарского языка XVII в. могли прибегнуть к возвратным формам вне зависи-

мости от того намеренно или ненамеренно лицо стало объектом какого-то действия.

Грани: обобщение

Итак, можно обобщить наблюдения о различной дистрибуции возвратных и причастных пассивов в дамаскинах по сравнению с современным литературным болгарским языком, как показано на схеме под номером (28), куда также включены обозначения диатез, принятые Генюшене.

(28)

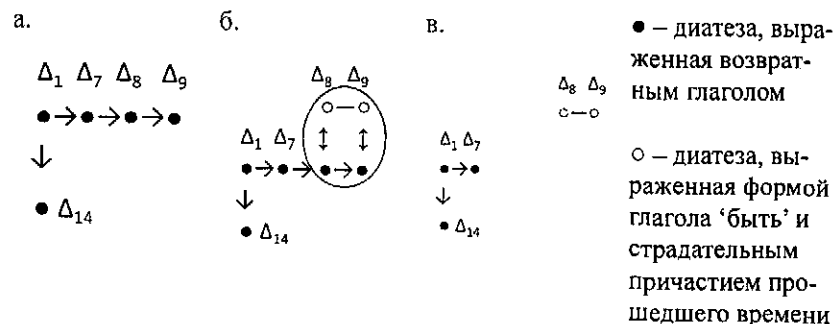
Устойчивые диатезы ¹⁰	Неустойчивые диатезы
Δ_1 Собственно-рефлексивная	Δ_9 Агентивная пассивная
Δ_7 Декаузативная	[+специфичность ситуации]
Δ_8 Безагентивная пассивная	[–намеренность объекта
Δ_{14} Рефлексивно-каузативная	подвергнуться действию]

На основании степени представленности этих диатез в нескольких десятках индоевропейских и неиндоевропейских языков Генюшене приходит к выводу, что агентивная пассивная диатеза является конечной точкой на линии эволюции, начинающейся с собственно рефлексивной диатезы и по мере развития приведшей сначала к декаузативной, а потом и к безагентивной пассивной диатезе. Рефлексивно-каузативная диатеза находится на другой эволюционной линии в непосредственной близости от собственно-рефлексивной диатезы (Geniušienė 1987: 124, 260, 269, 280–282, 351).¹¹ Взаимоотношения этих диатез представлены на схеме (29а).

¹⁰ Это неполный список диатез. На схеме не представлены диатезы, пересекающиеся с пассивом, такие как взаимная, абсолютивная и др.

¹¹ П. Баракова указывает, что примеров с эксплицитно выраженной агентивной пассивной диатезой – всего 6,5% общего числа примеров в ее корпусе пассивных конструкций современного болгарского литературного языка, и приводит аргументы в пользу вторичности агентивной пассивной диатезы по отношению к безагентивной (1980: 161–162).

(29)

Таким образом, наблюдаемое нами сужение диапазона функций возвратных глаголов выглядит вполне логично: оно началось именно с функций, которые стали выполняться возвратными глаголами позже всего. Не все языки мира, в которых есть возвратные глаголы, употребляют их для выражения пассивного значения. Например, в балтийских языках имеются возвратные глаголы, выполняющие разветвленные функции, и отдельно от них – причастный пассив (Geniušienė 1987: 18–22, 258). Схема (29в) соответствует ситуации, засвидетельствованной в балтийских языках. Она как будто также показывает в каком направлении развивается болгарская залоговая система, представленная на схеме (29б) и являющаяся промежуточным типом между моделью (29а) единого неактивного залога, противопоставленного активному, и моделью (29в), в которой фигурирует страдательный залог, находящийся в оппозиции к действительному залогу, куда болгарские грамматики традиционно включают все не-пассивные функции, так называемые словообразовательные функции возвратных глаголов в отличие от словоизменительных (Иванова 1983: 238–240).

II. Контролируемость действия: действия контролируемые

Сравнение дистрибуции возвратных и причастных пассивов в дамаскинах и в современном болгарском литературном языке позволяет понять как именно возвратный пассив перетекает в причастный. Ключевые понятия здесь контролируемость действия, онтологическая иерархия и иерархии семантических ролей и синтаксических по-

зиций. Насколько мне известно, самая ранняя работа, предлагающая единое объяснение грамматической категории залога на основании понятия контролируемости действия – это работа Мириам Клейман (Klaiman 1991).¹² В ней принимаются за исходные две иерархии: расширенная иерархия одушевленности и одна из нескольких существующих иерархий семантических ролей. В дальнейшем изложении я опираюсь на концепцию Клейман, приспособляя ее к болгарским условиям функционирования пассива.

В зависимости от того предполагается ли существование инстанции, контролирующей совершение действия, предикаты любого языка подразделяются на предикаты, обозначающие контролируемые и, соответственно, неконтролируемые действия.

Одним из признаков контролируемого действия, Клейман, вслед за Тальбергом, считает способность предиката сочетаться с наращениями воли и желания типа *по своей воле ↔ против своей воли, намеренно ↔ ненамеренно* (Thalberg 1972). Однако за пределами контролируемого действия, определяемого по этому признаку и выраженного возвратным глаголом или причастной конструкцией, остается такое вынужденное действие, при котором лицо, осуществляющее контроль над действием, отлично от лица, подвергающегося этому действию. Мы уже видели выше (пример 27), что несовпадение референтов этих двух функций – ‘объекта действия’ и ‘обладателя контроля над действием’ – является предпосылкой использования причастной конструкции в современном болгарском литературном языке. Когда один и тот же референт является ‘объектом действия’ и ‘обладателем контроля над действием’, возвратная форма по-прежнему возможна.

Вернемся к вышеупомянутым неприемлемым примерам употребления возвратной формы с одушевленным объектом: (16), (6)-

¹² Вот какое определение понятия *контроль* (control) дает Клейман: “capacity of an individual to engage or alternatively to refrain from engaging in a particular action; characteristic of a participant in a given situation such that (a) the situation's realization depends on the participant role in question and (b) the situation is compatible with that participant's intentional involvement therein” (Klaiman 1991: 317).

(9), (11a), (13a), (14a). Во всех из них референт, который является объектом действия, не обладает контролем над ним. Когда речь идет о неодушевленных объектах контролируемых действий, оценки приемлемости употребления возвратного пассива расходятся. С одной стороны, есть предложения определенно неграмматические – такие как (5). С другой стороны, есть примеры как (1a) и (4), которые вызывают у меня двойственное чувство, но которым, как было упомянуто выше, были даны иные оценки другими носителями болгарского языка. Я привожу под номерами (30)–(32) все три предложения этой категории, найденные мной в дамаскинах. Оценка их приемлемости тоже неоднозначна. Ниже всего она у предложения под номером (30), в котором предикат – глагол совершенного вида в аористе. Предложения (31) и (32) с глаголами несовершенного вида в имперфекте производят лучшее впечатление. В них действие – по сути такое же как в предложении (30) – представлено как многократное. Во всех трех предложениях деятель специфический, но объект действия – множественный. Они образуют шкалу постепенного перехода от специфической к неспецифической ситуации. По-видимому, оценка их приемлемости зависит от этого.

(30) и дрѣго много чюдо сътвори се тамо ѿ ап[о]с[то]ль (Демина 1971: 83)

(31) И ѿ таквиѣ чюдеса, и ѿ дрѣгы много чю се чинѣше съкога ѿ с[ве]т[о]го димитріа. та се съвыраше много свѣтъ, ѿ сиѹкы страны (Демина 1971: 108)

(32) послашайте цю съ чинѣше ѿ с[ве]т[о]го николае, добро (Демина 1971: 163)

Таким же образом можно объяснить и более положительную оценку предложений (1a) и (4) по сравнению с предложением (5). В (1a) и (4) объект действия – единственный, но есть множество логических субъектов, сумма индивидуальных действий которых и составляет то *окружение*, которое предполагается предикатом *заобиколя*.

Эти примеры наводят на мысль, что внутри каждого сегмента, очерченного на основании показаний категорий контролируемости

действия, типов референта и специфичности/генеричности обозначенной в предложении ситуации, инновации вводились в текст в зависимости от квантификационной шкалы, представленной под номером (33). Значимость этой шкалы для болгарского языка была показана на материале эволюции сочетаемости типов имен существительных с квантификационными терминами (Mladenova 2009a). На левом конце шкалы расположены группы существительных, обозначающие поддающиеся счету сущности реального мира, а на правом – множества. Данные о страдательных предложениях с предикатом контролируемого действия и неодушевленным объектом показывают, что отступление возвратного пассива началось с референтов на левом конце шкалы. Можно предположить, что этот же порядок следования был в силе и у других конфигураций, которые прошли через эту эволюцию раньше.

(33) Квантификационная шкала

Существительные ед. ч.					мн. ч.
Единые сущности	Составные сущности	Абстракт- ные понятия	Собиратель- ные сущности	Вещества	
I ранг	II ранг	III ранг	IV ранг	V ранг	VI ранг

Если учесть существование примеров возвратного пассива с неодушевленным объектом, оценка грамматичности которых еще не устоялась, а также отсутствие таких примеров с лицом в роли объекта, можно заключить, что отступление возвратного пассива из предложений, в которых фигурируют предикаты специфического контролируемого действия, началось с тех из них, в которых объектом было лицо. Такое предположение не противоречит обобщениям, к которым пришли и другие исследователи болгарского страдательного залога (Баракова 1980: 198). Выводы относительно предикатов контролируемого действия представлены в таблице (34).

(34) Дистрибуция двух типов пассива среди предикатов специфического контролируемого действия

а. Лицо в роли объекта		б. Неодушевленный предмет вроли объекта	
Причастный пассив		Причастный (и?возвратный) пассив	
Лицо ¹ [-Ctrl]	Лицо ² [+Ctrl]	Неодушевленный предмет [-Ctrl]	Лицо [+Ctrl]
Объект	Агенси	Объект	Агенси
Подлежащее	(Агентивное дополнение)	Подлежащее	(Агентивное дополнение)

Контролируемость действия: действия неконтролируемые

В примере (24в) референт, являющийся объектом действия, тоже не обладает контролем над ним. Действие в этом примере, однако, нельзя считать контролируемым: природная стихия причиняет бедствия, но никак не обладает контролем над своими действиями в смысле, принятом здесь. Под номером (35) представлен другой такой пример неконтролируемого действия, довольно редкий в дамаскинах. Он тоже недопустим с современной точки зрения, если его толковать как пассив, а не как декаузатив в соответствии с диаграммой (22б). Общей чертой примеров (24в) и (35) является невозможность их парафразировать, используя причастный пассив, ср. *някои моряци щяха да бъдат потопени в морето от голяма буря и *един човек беше опечен от слънцето.

(35) м8жъ нѣкой ѿ мѣсто фер'манско. въ врѣме жетвы, поиде да жъне на нив8 свою. и ѿ сл[ъ]нцето се опеуе (Демина 1971: 114)

Неконтролируемые действия бывают двух видов: действия с неодушевленным и одушевленным логическими субъектами. Соответствующие предикаты могут быть одноместными, т.е. непереходными (см. под номером 36) или двухместными, т.е. переходными (см. под номером 37). Двухместных предикатов значительно меньше, чем

одноместных. Большую группу неконтролируемых действий с одушевленным логическим субъектом составляют разнообразные физиологические и психологические реакции, над которыми человек не имеет власти.

(36) Одноместные предикаты неконтролируемого действия

а. С неодушевленным логическим субъектом
Люлякът *цѣфти*.

Мръква.
Ръмеше.

б. С одушевленным логическим субъектом
Раненият *припадна* от болка.
Тя *хлъцна* от изненада, когато го видя.
Изпоти се и стана вир вода.

(37) Двухместные предикаты неконтролируемого действия

а. С неодушевленным логическим субъектом
Вятърът *отвява* жълтите листа.
Сняг *затрупва* пътищата.

б. С одушевленным логическим субъектом
Бебето *повърна* всичко.
Гладна кокошка *просо сънува*.

Итак, примеры (24в) и (35) относятся к категории (37а). Под номерами (38) и (39) представлены неприемлемые с современной точки зрения предложения с предикатами неконтролируемого действия, объекты которых – в отличие от (24в) и (35) – неодушевлены. Их тоже не представляется возможным парафразировать при помощи причастного пассива.

(38) И пак' се стори страшно врѣнѣ ѿ земліата (Демина 1971: 82)

(39) и на сѣкѣи д[е]нь чинѣше се чюдо ѿ ѿньзи вода (Демина 1971: 131)

Решение вопроса о том, образуют ли страдательный залог в современном литературном языке предикаты неконтролируемого действия с неодушевленным логическим субъектом типа (37а), затрудняется малой численностью идентифицированных представителей

этой группы предикатов. Например, страдательные предложения под номерами (40б) и (40в), составленные мной, восторга не вызывают, тогда как (40а) звучит нормально.

(40) а. Реката излезе пред очите му от бреговете си и *зая* пътя.

б. ?Пътят *се зая* от реката пред очите му.

в. ??Пътят *бе заят* от реката пред очите му.

В предложении (40в), в особенности, настораживает предложное сочетание *пред очите му* 'перед его глазами', подчеркивающее процессуальность. Обзор употреблений этого глагола в интернете показал следующее. Глагол довольно часто употребляется переносно для обозначения контролируемого действия в контекстах типа (41).

(41) а. Нашите конкуренти *заяха* пазара с китайски стоки.

б. Пазарът *се зая* с китайски стоки.

в. Пазарът *бе заят* с китайски стоки.

Причастные конструкции обычно выражают состояние, а не действие или процесс, а такие конструкции не принято считать пассивом в собственном смысле этого слова (Иванова 1983: 249). Приемлемость возвратного пассива в (41б), по-видимому, следует объяснить так же, как это было сделано выше с предложениями (1а), (4), (31) и (32), так как глагол обозначает поступательное движение множества китайских товаров, действие находящееся на грани специфичности и неспецифичности.

Мой единственный ясный пример неконтролируемого действия, выраженного возвратным пассивом – и у него одушевленный объект – представлен под номером (42):¹³

(42) Гладкото, покрито с редки, бледи лунички лице на Лила *се зая* от руменина, но очите ѝ светнаха решително. (Димитър Димов)

¹³ Я здесь не буду рассматривать часто попадающееся переносное выражение *заливам се от смях*, так как у меня нет четких критериев как интерпретировать это действие: как контролируемое или как неконтролируемое.

Причастных конструкций больше, но преобладают предикаты, выражающие состояние, как показано под номером (43). Я не располагаю примерами процессуального причастного пассива.

(43) а. Река Какач е преляла, мостът е *заял*.

б. ГКПП Капитан Андреево е *заял* от водите на река Марица. Движението към и през пункта не е преустановено.

Итак, имеющиеся данные позволяют предположить, что образование страдательного залога от глаголов, обозначающих неконтролируемые действия с неодушевленным логическим субъектом и неодушевленным объектом или лицом в качестве объекта, затруднено. В предложениях, в которых подчеркивается процессуальность, типа (24в) и (35), в настоящее время возвратный пассив уже не возможен, а причастный пассив не встречается ни в текстах XVII в., ни в современном литературном языке. Данные по глаголам *залея/заливам* и *затрупам/затрупвам* показывают, что сфера возвратного пассива сведена к употреблению в рамках отдельных фразеологизмов: можно сказать *заливам се от руменина (червенина)*, но нельзя сказать **заливам се от бледнина*. В интернете попадаются и примеры с причастным пассивом типа (44), о степени процессуальности которых мне трудно судить.

(44) Седем индийски военослужещи загинаха, след като *бяха затрупани* от лавина, предаде ИТАР-ТАСС.

Перед тем как обратиться к двухместным предикатам неконтролируемого действия с одушевленным логическим субъектом, следует остановиться на одном структурном различии, разделяющем на две части всю группу предикатов неконтролируемого действия. С точки зрения деривации предикаты, обозначающие неконтролируемые действия, бывают первичными (*вратата скърца*) и производными (см. *удавя се* в примере 24б). Когда субъект действия – одушевленное лицо, образование декаузативов при помощи возвратной частицы *се*, проиллюстрированное выше примерами (23б) и (24б), представляет собой продуктивный способ реинтерпретации действия через изме-

нение точки зрения на него. Т.е. хотя исходная диатеза и относится к контролируемому действию (*мъча*), производная декаузативная диатеза, устранив деятеля, обозначает неконтролируемое действие (*мъча се*). В контексте оппозиции по параметру контролируемости действия, один и тот же маркер (возвратная частица *се*) может обозначать две разные ситуации: а) действие контролируемое, причем один и тот же референт является и 'объектом действия', и 'обладателем контроля над действием' – это ранее рассмотренная рефлексивно-каузативная диатеза, диаграмма (25б); и б) действие неконтролируемое, а референт является 'объектом действия' – это декаузативная диатеза, диаграмма (22б). В области контролируемых действий причастная конструкция выступает в дополнительной дистрибуции с возвратной формой глагола. У первичных предикатов неконтролируемого действия, уже исходная диатеза относится к неконтролируемому действию. Следовательно, декаузативное чтение возвратной формы невозможно. Понятно, что рефлексивно-каузативное чтение тоже по определению исключается. Также невозможно и собственное-возвратное чтение, ср. (45) и (46). Можно заранее ожидать, что любые попавшиеся возвратные формы от первичных предикатов неконтролируемого действия будут пассивами.

(45) *Реката *се* *зая*. / *Реката *зая* сама себе си.

(46) *Вятърът *се* *отвя*. / *Вятърът *отвя* сам себе си.

Мне удалось найти только ограниченное число бесспорных первичных двухместных предикатов типа (37б), обозначающих неконтролируемые действия с одушевленным логическим субъектом. В дамаскинах пассивы от таких предикатов мне не попадались. Составленные мной страдательные предложения под номером (47) грамматически неправильны.

(47) а. През нощта болното момиче *сънува* учителката по пеене.

б. *През нощта учителката по пеене *се сънува* от болното момиче.

в. *През нощта учителката по пеене *бе сънувана* от болното момиче.

Поиски в интернете страдательных форм глагола *сънувам* не принесли результатов, если не считать предложение (48), в котором, однако, действие неспецифическое.¹⁴

(48) Ако този сън *се сънува* от обикновен човек, означава забогатяване, издигане в обществото с почести и признание.

Подстановка неодушевленного предмета или животного вместо лица в семантической роли объекта (*филм, приказка, кукла; куче, котка*) не оказывает влияния на оценку грамматичности. Итак, учитывая, что пассивизация предложений с одушевленными логическими субъектами, по-видимому, невозможна, можно заключить, что предикаты специфического неконтролируемого действия вообще плохо поддаются пассивизации. Установленная закономерность находит параллели в языках, в которых страдательный залог образуется от исходных непереходных глаголов лишь в случае их совершения по воле действующего лица (Blevins 2006: 237). Сделанные выводы обобщены в таблице под номером (49).

(49) Дистрибуция двух типов пассива среди предикатов специфического неконтролируемого действия

а. Лицо в роли агенса		Неодушевленный предмет в роли агенса			
Пассив обоих типов отсутствует		б. Лицо в роли объекта		б. Лицо в роли объекта	
		Причастный пассив и спорадический возвратный пассив		Пассив обоих типов отсутствует	
Лицо ¹ / Неодуш. предмет [-Ctrl]	Лицо ² [-Ctrl]	Лицо [-Ctrl]	Неодуш. предмет [-Ctrl]	Неодуш. предмет ¹ [-Ctrl]	Неодуш. предмет ² [-Ctrl]
Объект	Агенс	Объект	Агенс	Объект	Агенс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)	Подлежащее	(Агентивное дополнение)	Подлежащее	(Агентивное дополнение)

¹⁴ Похожий пример неспецифического неконтролируемого действия – „Днес никой не говореше за първа любов, неща от тоя род обикновено потъваха

III. Предыстория пассивных причастных конструкций

Как можно истолковать полученные результаты? Видно, что одни и те же факторы влияют на возможность пассивизации и на выбор между двумя формами пассива. Свободное употребление причастных конструкций, обозначающих состояние, в предложениях типа (43), из которых процессуальный пассив будто бы исключен, подсказывает, что эту функцию, имеющую неограниченное распространение, следует считать первичной функцией причастных конструкций. Для какого-то периода в прошлом, предшествующего древнейшим славянским текстам, можно реконструировать состояние, представленное на схеме (50).

(50)

- $\Delta_1 \Delta_7 \Delta_8 (\Delta_9)$
 $\bullet \rightarrow \bullet \rightarrow \bullet \rightarrow (\bullet)$
 $\downarrow$
 $\bullet \Delta_{14}$
- – функции неактивного залога, выражаемого возвратным глаголом (показаны не все функции)
 - – причастные конструкции, состоящие из формы глагола 'быть' и страдательных причастий настоящего или прошедшего времени и обозначающие состояние

Онтологическая иерархия

В концепции Мириам Клейман, параметры глагольного залога определяются кроме контролируемости действия еще и соотношением двух иерархий: расширенной иерархии одушевленности и иерархии семантических ролей. Соотношение иерархий позволяет увязать три уровня, представленные в диатезе: уровень референтов, уровень семантических ролей и уровень синтаксических отношений. В научной литературе имеются разные предложения таких иерархий (Croft 1990: 95–123). Я остановилась на вариантах, которые лучше всего соответствуют требованиям моего анализа. Так, на уровне референтов здесь принимается онтологическая иерархия, показанная под номером (51).

в мъглата на неясните спомени. Сега трудно *се помнеше* последната, та камо ли първата.“ (Павел Вежинов) – приводит и П. Баракова (1980: 149), которая, отмечая невозможность заменить возвратный пассив причастным (**трудно е помнена*), относит ее за счет индивидуальной семантики глагола.

Она состоит из иерархии одушевленности, включающую в себя иерархию грамматического лица, которая присваивает высший ранг участникам коммуникативного акта по сравнению с посторонними лицами.

(51) Онтологическая иерархия (Онт)

Одушевленное существо		Животное	Неодушевленный предмет (или абстрактное понятие)
Человек			
Участвующий в коммуникативном акте (1 и 2 л.)	Неучаствующий в коммуникативном акте (3 л.)		
I ранг (Онт)	II ранг (Онт)	III ранг (Онт)	IV ранг (Онт)

Й. Пенчев отмечает, что в первом и втором лице в современном болгарском литературном языке употребляется не возвратный, а причастный пассив (1972: 272). П. Баракова подтверждает эту закономерность статистическими данными (1980: 164). В роли подлежащего в страдательных предложениях в дамаскинах преобладают референты II ранга. Из общего числа 65 примеров, имеющих в качестве подлежащего референт I ранга, только в 7 случаях употреблен возвратный пассив и все они воспринимаются современными носителями болгарского языка как неграмматические. Я приведу три примера – см. (52):

(52) а. и да ти сторимъ много различни мъкы, да се мъишь и да се накажешъ (Демина 1971: 102)

б. да сте слѣшале и почитале нѣговѣте дѣмъ, и неговѣта наѣка. не вѣх'те са сега осядѣле да се мъuite (Демина 1971: 220)

в. азъ не *спазих'* се ꙗко ѹл[овѣ]ѹска маѣа ꙗко тази отрова. ами ꙗко вл[а]год[а]тъ и сила х[рист]а моего (Демина 1971: 313)

Значительное преобладание причастных пассивов над возвратными (в соотношении девяти к одному) в сочетании с современной оценкой возвратных пассивов как неграмматических подсказывает, что несовместимость возвратного пассива с референтами I ранга на-

чала проявляться до XVII в., но ко времени создания дамаскинов еще не утвердилась окончательно.

Как было показано выше, когда в качестве подлежащего выступает референт IV ранга, допустимость страдательного залога вообще и выбор его типа зависят от контролируемости действия. Выражение контролируемых действий возвратным пассивом шло в XVII в. на убыль, но было более приемлемым, чем сейчас. В моих материалах из дамаскинов есть 3 таких примера возвратного пассива, цитированных выше под номерами (30)–(32), и 12 примеров причастного пассива. Неконтролируемые действия, плохо поддающиеся пассивизации любого типа, в моих материалах из дамаскинов причастными пассивами не обозначаются. Имеющиеся у меня два примера возвратного пассива представлены выше под номерами (38) и (39).

Референты III ранга в роли подлежащего при глаголе в страдательном залоге слабо засвидетельствованы в дамаскинах. У меня есть лишь два потенциальных примера причастного пассива, но их процессуальность для меня неоспорна.

Как неоднократно подчеркивает П. Баракова (1980: 164–169, 198), значение имеет онтологический ранг не только референта в роли подлежащего, но и референта в роли агентивного дополнения. Данных из дамаскинов по референтам I и III рангов в этой роли у меня совсем немного (два в первом случае и один во втором) и они свидетельствуют лишь о сочетаемости с причастным пассивом. Референты IV ранга одинаково часто (по 7 предложений в каждой категории) появляются в роли агентивного дополнения и с причастным, и с возвратным пассивом. При этом, все примеры с возвратным пассивом воспринимаются как грамматически неправильные. Выше были приведены пять из них: (24в), (35), (38), (39) и (52в). Наиболее полно представлены референты II ранга, с которыми чаще сочетается причастный пассив (38 примеров). Из общего числа 9 примеров с возвратным пассивом – 6 неграмматических, подлежащими которых являются референты того же II ранга. Из них выше были приведены три – (7), (8) и (23а). Расходящиеся оценки оставшихся трех примеров с подлежащими IV ранга обсуждались выше – см. анализ примеров (30)–(32).

Соотношения между иерархиями разных уровней

В таблице под номером (53) обобщены наблюдения над данными языка Тихонравовского дамаскина. Всего засвидетельствовано 7 комбинаций параметров онтологического уровня, лишь у одной из которых есть иллюстрации, находящиеся с современной точки зрения на грани грамматичности. Во всех контролируемых действиях контроль остается за референтом, выполняющим семантическую роль деятеля (агенса). Эта роль занимает в предложении позицию агентивного дополнения, если она выражена эксплицитно. У предикатов контролируемого действия неграмматический возвратный пассив может быть заменен на грамматический причастный пассив. По отношению к предикатам неконтролируемого действия такой возможности нет: процессуальный причастный пассив от таких предикатов в современном языке не образуется.

(53) Засвидетельствованные в Тихонравовском дамаскине типы страдательных предложений с возвратным пассивом, обозначающим специфическую ситуацию, и оценка их грамматичности в соответствии с нормами современного болгарского литературного языка

Тип предложения	Контролируемость действия	Тип референта в позиции подлежащего	Тип референта в позиции агентивного дополнения	Современная оценка грамматичности
1	+	I (Онт)	импл. I (Онт)	-
2	+	I (Онт)	импл. II (Онт)	-
3	-	I (Онт)	экпл. IV (Онт)	-
4	+	II (Онт)	экпл. / импл. II (Онт)	-
5	-	IV (Онт)	экпл. IV (Онт)	-
6	-	II (Онт)	экпл. IV (Онт)	-
7	+	IV (Онт)	экпл. / импл. II (Онт)	+/-

Так что же отличает единственную более приемлемую комбинацию от шести неграмматических? Это – единственный тип предложения, при котором ранг референта в позиции агентивного дополнения выше ранга референта в позиции подлежащего. Во всех других типах предложения ранг этих референтов одинаковый, или же, наоборот, ранг референта в позиции подлежащего выше.

В модели грамматического залога Мириам Клейман, построенной на типологических данных, постулирована значимость расхождений между иерархиями разных уровней диатезы. Как было упомянуто выше, имеются различные предложения иерархий семантических ролей и синтаксических позиций, к которым разные авторы приходили на разных основаниях (Croft 1990). Так как для нас здесь важны лишь семантические роли деятеля (агенса) и объекта, и синтаксические позиции подлежащего, прямого дополнения и агентивного дополнения, мы можем принять упрощенные варианты этих иерархий, представленные под номерами (54) и (55).

(54) Иерархия семантических ролей (СемР)

Агнс	Объект
I ранг (СемР)	II ранг (СемР)

(55) Иерархия синтаксических позиций (СинП)

Подлежащее	Прямое дополнение	Агентивное дополнение
I ранг (СинП)	II ранг (СинП)	III ранг (СинП)

В таком минимальном объеме, варианты иерархий, предложенные разными авторами, совпадают. Как показано на диаграмме под номером (56), характерная черта страдательного залога состоит в том, что в нем отсутствует параллелизм между рангами этих двух иерархий, который наблюдается в исходной диатезе действительного залога.

(56) Соотношение семантических ролей с синтаксическими позициями

Действительный залог	
Агнс	Объект
I ранг (СемР)	II ранг (СемР)
Подлежащее	Прямое
I ранг (СинП)	дополнение
	II ранг (СинП)

Страдательный залог	
Объект	Агнс
II ранг (СемР)	I ранг (СемР)
Подлежащее	Агентивное
I ранг (СинП)	дополнение
	III ранг (СинП)

В современном языке лишь предикаты контролируемого специфического действия, ранжировка референтов которых совпадает с ранжировкой семантических ролей, все еще могут выражаться возвратным пассивом, тогда как для предикатов контролируемого специфического действия, выраженных причастным пассивом ранжировка референтов не имеет значения. Иными словами, возвратный пассив является маркированным членом оппозиции по сравнению с причастным пассивом.

Как же вписываются в эту картину закономерности образования страдательного залога от предикатов с референтами III ранга? Имеющие значение комбинации представлены в таблице под номером (57).

(57) Страдательный залог предикатов специфического действия, участниками которого являются референты III ранга

Тип предложения	Контролируемость действия	Тип референта в позиции подлежащего	Тип референта в позиции агентивного дополнения
1	-	I/II (Онт)	III (Онт)
2	-	IV (Онт)	III (Онт)
3	-	III (Онт)	III (Онт)
4	+	III (Онт)	I/II (Онт)
5	-	III (Онт)	IV (Онт)

В моем распоряжении имеется одно предложение первого типа с результативным причастным пассивом: оно цитируется в другой связи П. Бараковой, см. (58а). Составленное мной предложение (59а)

показывает, что в позиции подлежащего может быть представлен и референт I ранга. Модификации (58б) и (59б) этих предложений с возвратным пассивом грамматически неправильны.

(58) а. Но случи се така, че първородният син беше стъпкан и умъртвен от един пощръклял бик. (Баракова 1980: 145 – Андрей Гуляшки)

б. *Но случи се така, че първородният син се стъпка и умъртви от един пощръклял бик.

(59) а. В това ранно утро за първи – но не и за последен – път бях усилен от оса.

б. *В това ранно утро за първи – но не и за последен – път се усилих от оса.

Попытки найти в интернете предложения с ярко выраженной процессуальностью успехом не увенчались. Речь идет о предложениях подобных составленным мной, см. (60).

(60) а. Магарето изведнъж ритна оградата/кучето/овчаря.

б. *Изведнъж оградата/кучето/овчарят се ритна от магарето.

в. ??Изведнъж оградата/кучето/овчарят бе ритната/ритнато/ритнат от магарето.

Зато в интернете хорошо представлены неконтролируемые неспецифические действия с референтом III ранга в роли деятеля. Приведу один пример – (61). Имеются и причастные конструкции состояния – см. (62).

(61) На 15 години ръцете ти са с мазоли като копита на кон, ама вече не ти пука щото мазолите не болят, за разлика от мехурите преди тях. Хапан си от сичките змии, дет се срещат наоколо, от скорпион, кучета, котки, ритан си от кон, тъпкан си от крава, бе... късмет.

(62) Мъж и жена са на вилата си. Мъжът се занимава с пчеларство. По някое време отива при жена си, жестикулира, мъчи се от болка – усилен е от пчела по езика.

Итак, результаты по глаголам *рита*, *(с)тъпча*, *хапя*, *ужили* не совсем идентичны с приведенными выше результатами по глаголу *сънувам*. Причастный пассив от глаголов неконтролируемого действия более приемлем с референтами III ранга в роли деятеля, чем с референтами II ранга в той же роли, если судить по примерам типа (47в), (58а), (59а) и (60в).

Как свидетельствует пример (63), в предложениях четвертого типа, показанного в таблице (57), встречается причастный пассив. Если предикат обозначает ситуацию неспецифическую или на грани специфичности и неспецифичности, см. (64) в них возможен и возвратный пассив.

(63) Мечката с прякор Бруно, обитаваща италианските и австрийските части на Алпите, е нахлула в Германия, където *е била застреляна* от немски ловец миналата седмица.

(64) а. От тях се правят три венеца: за овцата, която *ще се издои* първа, за агнето, което *ще бъде дадено* в дар на светеца, и за съда с млякото.

б. Рибата след като *се улови*, *се връща* отново в езерото.

Таким образом, в этой позиции референты III ранга как будто приравниваются к референтам IV ранга. Эти данные позволяют представить диаграмму (346) в обобщенном виде так:

(65) Дистрибуция двух типов пассива среди предикатов специфического контролируемого действия

Причастный (и?возвратный) пассив	
Референт III–IV рангов [-Ctrl]	Референт I–II рангов [+Ctrl]
Объект	Агнс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)

Обнаружить предложения пятого типа, который показан в таблице (57), таких как составленные мной под номером (66), в интернете мне не удалось. Тем не менее, грамматичность (66в) позволяет заключить, что когда предикаты обозначают неконтролируемое

действие и деятель — неодушевленный предмет, референты III ранга в роли подлежащего приближаются к референтам I и II рангов.

(66) а. Лавината *затрупа* двете крави пред очите на изплашените скиори.

б. *Двете крави *се затрупаха* от лавината пред очите на изплашените скиори.

в. Двете крави *бяха затрупани* от лавината пред очите на изплашените скиори.

(67) Таким образом, диаграмму (496) можно уточнить так:

Дистрибуция двух типов пассива среди предикатов специфического неконтролируемого действия

Причастный пассив (и?возвратный) пассив		Причастный пассив		?Причастный пассив	
Референт I–II рангов [-Ctrl]	Референт IV ранга [-Ctrl]	Референт III ранга [-Ctrl]	Референт IV ранга [-Ctrl]	Референт I–II рангов [-Ctrl]	Референт III ранга [-Ctrl]
Объект	Агнс	Объект	Агнс	Объект	Агнс
Подлежащее	(Агентивное дополнение)	Подлежащее	(Агентивное дополнение)	Подлежащее	(Агентивное дополнение)

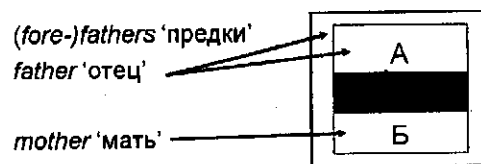
Эти выводы подтверждают самостоятельность онтологической категории III ранга и значимость понятия контролируемости действия для анализа болгарского залога.

Вытеснение возвратного пассива причастным пассивом как пример маркированной инновации

В предыдущем изложении было два повода отметить как соотносятся возвратный и причастный пассив с точки зрения параметра маркированности, причем для определения какой из двух членов оппозиции маркирован и какой не маркирован я опиралась на понятие маркированности согласно определению, предложенному Хеннингсом Андерсеном (Andersen 2001a; 2001b). Как показано на схеме (68), приведенной по работе Andersen 2001b: 45, отношение подчи-

ненности маркированного члена оппозиции немаркированному, а также его включенность в немаркированный член следует считать исходными, тогда как их противопоставление, возникшее на этой основе, – вторично.

(68) Отношение маркированного и немаркированного членов оппозиции

Маркированный член оппозиции *mother* всегда обозначает родителя женского пола, тогда как немаркированный член *father* может на нижней ступени классификации обозначать родителя мужского пола или на высшей ступени классификации обозначать родителя вообще, без уточнения пола. Именно поэтому на его основе и могло возникнуть слово *forefathers* для обозначения предков.

На основании фактов, относящихся ко всем уровням языковой структуры, а также к организации текста и даже ритуала, Андерсен постулирует действие как на синхронном, так и на диахронном уровне так называемого *принципа согласования на основе маркированности* (Principle of Markedness Agreement). Согласно этому принципу структура языка и текста, а также лингвистическая эволюция основаны на гомогенных, с точки зрения маркированности, цепочках разнородных явлений (Andersen 2001b: 30). Для нас здесь важен диахронный аспект этого положения.

Далее, Андерсен принимает, что следует, в русле идей Кошеру и Тимберлейка, отличать *грамматическую систему языка* (base grammar) как систему возможностей, охватывающую идеальные формы реализации языка, то есть эталоны языковой деятельности, от *норм употребления* (usage rules), отражающих традицию того, как принято говорить в обществе. Языковая эволюция может включать в себя как изменения грамматической системы, так и норм употребления. Внутренне мотивированная инновация, возникающая

в лоне грамматической системы, немаркирована по отношению к основополагающим принципам этой грамматической системы. В соответствии с принципом согласования на основе маркированности, немаркированная инновация начинает свое распространение с немаркированных контекстов и только впоследствии охватывает и маркированные контексты. Наоборот, инновация, привнесенная извне и мотивированная прагматически, маркирована с точки зрения грамматической системы. Она модифицирует нормы употребления, чтобы привести их в соответствие с иноязычной моделью (или моделью, которая в ходу у какой-то достойной подражания группы носителей языка), начиная свое распространение с маркированных контекстов, самых заметных, бросающихся в глаза. По мере того как такая инновация распространяется все шире и шире, оценка ее маркированности среди отдельных групп населения или нового поколения носителей языка может измениться на противоположную, что даст ей возможность занять и немаркированные позиции, ранее ей недоступные (Andersen 2001b: 33–34; 2001a: 236–239).

Маркированные инновации представляют особый интерес для балканских языков, конвергентное развитие которых является их продуктом. В другой работе я утверждаю, что два знаменитых балканизма, утерю падежей и появление артикля, следует считать немаркированными инновациями болгарского языка (Mladenova 2009b). Наоборот, способы выражения болгарского страдательного залога, которые тоже уже рассматривались в балканском контексте (Assenova 2000; Assenova, Guentchéva 2008), менялись со временем в рамках длительной маркированной инновации. На протяжении истории болгарского языка оценка маркированности двух способов выражения страдательного залога (возвратный и причастный пассив) не была константой, она менялась. Как было показано выше, в современном языке маркированным членом оппозиции выступает возвратный пассив, тогда как в XVII в. в роли маркированного члена оппозиции был причастный пассив.

Далее, как выяснилось, выбор между двумя формами пассива зависит от: (а) классификации обозначаемой предикатом ситуации, как специфической, неспецифической или генерической; (б) класси-

фикации обозначаемого предикатом действия, как контролируемого или неконтролируемого; и (в) принадлежности участников обозначаемой предикатом ситуации к одному из четырех рангов онтологической иерархии. Надо обратить внимание, что все факторы, влияющие на выбор формы пассива, относятся к когнитивному уровню (а не к семантическому или синтаксическому).

Таблица под номером (69) обобщает выводы относительно современной дистрибуции двух форм страдательного залога в предложениях с предикатами специфического действия. Были обнаружены семь конфигураций, допускающие разные наборы форм пассива и образующие шкалу. На одном ее конце конфигурации А1 и А2 отмечают территорию максимального распространения страдательного залога в обеих его формах, а на другом ее конце расположены конфигурации Г1 и Г2, в которых страдательный залог вообще не образуется. Находящиеся посередине шкалы конфигурации Б1, Б2 и В1 являются территорией исключительного распространения причастного пассива. Как видно, возвратный пассив все еще (частично) употребляется лишь на левом конце шкалы, тогда как причастный пассив полностью отсутствует лишь в конфигурациях на самом правом ее конце.

(69) Дистрибуции возвратного и причастного пассивов в предложениях с предикатами специфического действия – современное состояние

	Конфигурация А		Конфигурация Б		Конфигурация В		Конфигурация Г	
	?+возвратный +причастный		-возвратный +причастный		-возвратный ?+причастный		-возвратный -причастный	
	II (СемР)	I (СемР)	II (СемР)	I (СемР)	II (СемР)	I (СемР)	II (СемР)	I (СемР)
1	III/IV (Онт) [-Ctrl]	I/II (Онт) [+Ctrl]	I/II (Онт) [-Ctrl]	I/II (Онт) [+Ctrl]	I/II/III/ IV (Онт) [-Ctrl]	III (Онт) [-Ctrl]	I/II/III/ IV (Онт) [-Ctrl]	I/II (Онт) [-Ctrl]
2	I/II (Онт) [-Ctrl]	IV (Онт) [-Ctrl]	III (Онт) [-Ctrl]	IV (Онт) [-Ctrl]			IV (Онт) [-Ctrl]	IV (Онт) [-Ctrl]

На схеме (70) представлена модель эволюции болгарского страдательного залога. Она берет за исходное состояние дописьменной эпохи с неактивным залогом, выраженным возвратными формами глаголов и способным (в некоторой степени) обозначать и страдательный залог. Кроме этого имелись страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, которые в конструкциях с формами глагола 'быть' обозначали состояние. Как любой разговорный язык, славянский язык болгар того времени не использовал широко страдательный залог. Кирилло-мефодиевские переводы быстро изменили это положение. Для того чтобы адекватно перевести литургические тексты, был необходим более развитый страдательный залог, способный функционировать во всех глагольных временах. По модели греческого языка причастные конструкции стали употребляться в аналитических глагольных временах с процессуальным значением. Употребление причастных конструкций в самом греческом языке относят еще к древнегреческому периоду: аналитические конструкции появились в аттическом диалекте в 3 л. мн. ч. перфекта и плюсквамперфекта индикатива, а также всех лиц конъюнктива и оптатива у глаголов с основой на согласный. (Перельмутер 1974: 122) Возможно, в кирилло-мефодиевских переводах возвратный пассив также расширил свое употребление и стал появляться в ранее непривычных временах. На следующей стадии, которую, может быть, можно отнести к среднеболгарскому периоду, произошла реинтерпретация этого супплетивного страдательного залога. На первый план вышли оппозиции генеричности/специфичности. Выглядело так, будто в языке есть две параллельные формы страдательного залога, которые одинаково пригодны для обозначения генерических, неспецифических и специфических ситуаций. Со временем эти формы стали специализироваться. Ко времени появления ранних новоболгарских текстов причастный пассив перестал употребляться в генерических ситуациях. Возвратный пассив тоже начал отходить от специфического сегмента. Статистика показывает, что с референтами I ранга в семантической роли объекта, авторы новоболгарского перевода дамаскинов, предпочитали употреблять причастный пассив. На последней, пятой

стадии этой эволюции мы можем найти возвратный пассив лишь тогда, когда есть резкий перепад в рангах участников обозначенной предикатом ситуации. Как видно, первыми потеряли способность сочетаться с возвратным пассивом референты самого высокого ранга и последними – референты самого низкого ранга. Если референты, выполняющие обе семантические роли, – высокого ранга, то они теряют способность сочетаться с возвратным пассивом раньше, чем если одна из ролей выполняется референтом более низкого ранга.

На этой стадии работы у меня нет данных позволяющих заключить в каком порядке причастный пассив удалялся из генерического сегмента. Известно только, что причастный пассив должен был быть на той стадии маркированным членом оппозиции. В соответствии с принципом согласования на основе маркированности, следует предположить, что первыми были затронуты маркированные ситуации. На основании же наблюдений над процессами новоболгарского периода, можно предположить, что и тогда, как и сейчас, маркированными были референты высшего ранга.

Возникает вопрос, есть ли независимые от этого процесса основания считать референты высших рангов маркированными по сравнению с референтами низших рангов? В первой четверти XX в. гештальт-психология ввела понятия фигуры и фона, которые междувременно были приняты на вооружение в когнитивной лингвистике. Отношение фигура/фон представляет собой организационную тенденцию восприятия. Наблюдая за окружающим миром, человек в каждой наблюдаемой сцене выделяет фигуру из фона. Как только это происходит, человек уже сосредотачивается на фигуре, а не на фоне. Любой рассказ о наблюдаемой сцене будет в большей степени о фигуре, чем о фоне. Очевидно, что, согласно определению Андерсена, фигура маркирована по отношению к фону. Одушевленные предметы (и особенно люди) лучше приспособлены к роли фигуры, чем неодушевленные предметы. Шансы быть фигурой у референтов четырех классов онтологической иерархии убывают по мере уменьшения их ранга. С когнитивной точки зрения не возникает сомнений, что контексты, с которых начинаются изменения в формах страда-

тельного залога, являются маркированными, что и следует ожидать от маркированной инновации.

(70) Модель эволюции болгарского страдательного залога

1. Дописьменная стадия: Неактивный залог	$\Delta_1 \Delta_7 \Delta_8 (\Delta_9)$ $\bullet \rightarrow \bullet \rightarrow \bullet \rightarrow (\bullet)$ $\downarrow$ $\bullet \Delta_{14}$ $\bullet$ – функции неактивного залога, выражаемого возвратным глаголом (показаны не все функции) $\circ$ – причастные конструкции, обозначающие состояние									
2. IX в. Кирилло-мелодиевский перевод литургических текстов: Внедрение инновации – Супплетивный страдательный залог	Δ_8 / Δ_9 $\Delta_1 \Delta_7$ $\downarrow$ $\bullet \Delta_{14}$ $\bullet$ – нестрадательные функции возвратных форм (показаны не все функции) $\bullet$ – возвратные видо-временные формы со страдательным значением $\circ$ – видо-временные формы аналитических причастных конструкций со страдательным значением									
3. Реинтерпретация кирилло-мелодиевской инновации	Ситуации <table> <tr> <td>Генер.</td> <td>Неспециф.</td> <td>Специф.</td> </tr> <tr> <td>возвр. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> <tr> <td>прич. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> </table>	Генер.	Неспециф.	Специф.	возвр. пассив	←	→	прич. пассив	←	→
Генер.	Неспециф.	Специф.								
возвр. пассив	←	→								
прич. пассив	←	→								
4. Состояние на XVII в.: Первое последствие реинтерпретации	Ситуации <table> <tr> <td>Генер.</td> <td>Неспециф.</td> <td>Специф.</td> </tr> <tr> <td>возвр. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> <tr> <td>прич. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> </table>	Генер.	Неспециф.	Специф.	возвр. пассив	←	→	прич. пассив	←	→
Генер.	Неспециф.	Специф.								
возвр. пассив	←	→								
прич. пассив	←	→								
5. Состояние на XX-XXI вв.: Второе последствие реинтерпретации	Ситуации <table> <tr> <td>Генер.</td> <td>Неспециф.</td> <td>Специф.</td> </tr> <tr> <td>возвр. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> <tr> <td>прич. пассив</td> <td>←</td> <td>→</td> </tr> </table>	Генер.	Неспециф.	Специф.	возвр. пассив	←	→	прич. пассив	←	→
Генер.	Неспециф.	Специф.								
возвр. пассив	←	→								
прич. пассив	←	→								

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. А. 1988. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности). В: Костюшко, И. И., В. И. Злыднев, К. В. Чистов, Я. Н. Шапов и В. М. Гацак (ред.) *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации*. Москва: Наука. 124–145.
- Андрейчин, Л. 1956. Залогът в българската глаголна система. *Български език* 6/2: 106–120.
- Баракова, П. 1978. Темпорални особености на причастно-пассивните форми в българския книжовен език. *Български език* 28/4: 313–325.
- Баракова, П. 1980. Семантика и дистрибуция на пассивните конструкции в съвременния български книжовен език. *Известия на Института за български език* 24: 137–202.
- Демина, Е. И. 1971. *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Часть II. Палеографическое описание и текст*. София: Издательство на БАН.
- Золотова, Г. А., Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидорова. 1998. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: РАН-МГУ.
- Иванова, А. 1967. *Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в.* София: Издательство на БАН.
- Иванова, К. 1983. Залог на глагола. В: Тилков, Д., С. Стоянов и К. Попов (ред.) *Грамматика на съвременния български книжовен език. Том 2. Морфология*. София: Издательство на БАН. 236–257.
- Маслов, Ю. С. 1981. *Грамматика болгарского языка*. Москва: Высшая школа.
- Милетич, Л. 1923. *Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в.* София: Придворна печатница.
- Мирчев, К. 1972. *Старобългарски език*. София: Наука и изкуство.
- Пенчев, Й. 1972. Рефлексивните, медиалните и пассивните изречения в български език. *Известия на Института за български език* 21: 245–277.
- Перельмутер, И. А. 1974. Пассив в древнегреческом языке. В: Холодович, А. А. (отв. ред.) *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. Ленинград: Наука. 120–138.
- Рожновская, М. Г. 1976. Временная парадигма глагола с се страдательного значения и сфера употребления ее форм в болгарском литературном языке. В: Демина, Е. И. (сост. и ред.) *Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных балканских и славянских языков*. Москва: Наука. 302–318.

- Холодович, А. А. (отв. ред.) 1974. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. Ленинград: Наука.
- Andersen, H. 2001a. Actualization and the (Uni)directionality of Change. In Andersen, H. (ed.) *Actualization*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 225–248.
- Andersen, H. 2001b. Markedness and the Theory of Linguistic Change. In Andersen, H. (ed.) *Actualization*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 21–57.
- Assenova, P. 2000. Quelques observations sur l'emploi de la diathèse non-active dans les langues balkaniques. In Tzitzilis, Ch. & Ch. Symeonidis (eds.) *Balkanlinguistik: Synchronie und Diachronie*. Thessaloniki: Linguistische Abteilung der Philosophischen Fakultät der Aristoteles-Universität Thessaloniki. 27–39.
- Assenova, P. & Z. Guentchéva. 2008. Réfléchi et moyen dans les langues balkaniques. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* 103/1: 311–331.
- Blevins, J. P. 2006. Passives and Impersonals. In: Brown, K. (ed.) *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Elsevier. 9: 236–239.
- Chierchia, G. 1995. The Variability of Impersonal Subjects. In Bach, E., E. Jelinek, A. Kratzer & B. H. Partee (eds.) *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht: Kluwer.
- Croft, W. 1990. *Typology and Universals*. Cambridge & New York & Port Chester & Melbourne & Sydney: Cambridge University Press.
- Geniušienė, E. 1987. *The Typology of Reflexives*. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter.
- Kaufmann, I. 2004. *Medium und Reflexiv. Eine Studie zur Verbsemantik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Klaiman, M. H. 1991. *Grammatical Voice*. Cambridge & New York & Port Chester & Melbourne & Sydney: Cambridge University Press.
- Koenig, J.-P. 1999. On a tué le président! The nature of Passives and Ultra-indefinites. In Fox, B. A., D. Jurafsky & L. A. Michaelis (eds.) *Cognition and Function in Language*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information. 235–251.
- Margulíes, A. 1924. *Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter's.
- Mladenova, O. M. 2007. *Definiteness in Bulgarian: Modelling the Processes of Language Change*. New York, Berlin: Mouton de Gruyter.
- Mladenova, O. M. 2009a. The Diachrony of Bulgarian Quantification. *Balkanistica* 22: 89–131.

Mladenova, O. M. 2009b. On Morphosyntactic Change in Bulgarian: Case and Definiteness. *Diachronica* 26/3: 408–436.

Thalberg, I. 1972. *Enigmas of Agency: Studies in the Philosophy of Human Action*. London & New York: Allen & Unwin and Humanities Press.

Дарина Младенова (София)

dmlad2002@yahoo.com

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА ХОТѢТИ В БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ В СВЕТЕ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

SPRACHGEOGRAPHISCHE UNTERSUCHUNG DER
GRAMMATIKALISIERUNG VON ХОТѢТИ ALS
FUTURPARTIKEL IM BULGARISCHEN

Профессору Пете Асеновой, показавшей мне много лет назад своим систематическим курсом по балканскому языкознанию и в следующих годах своими исследованиями много «комнат» и «залов» «дворца» балканского языкознания, и профессору Боряне Велчевой, вдохновленному исследователю проблем исторической диалектологии болгарского языка, которая, как своими публикациями, так и в разговорах, не раз выводила меня на высокие вершины, откуда открываются далекие перспективы.

Die Desemantisierung von хотѣти, die ein wichtiger Teil dessen Grammatikalisierung ist, wird im Lichte der von ihr verursachten Prozesse untersucht: die Bedeutung von хотѣти 'wollen' wird von ѝскам, ѝштѣ in ost- und сѣкам in westbulgarischen Mundarten übernommen und dabei machen die beiden Verben den semantischen Übergang 'suchen' > 'wollen', was zum Durchsetzen anderer Verben für 'suchen' führt. Das Ersetzen von хотѣти durch ѝскам und сѣкам umfasst allmählich die Sprachstruktur und den Sprachraum und die Untersuchung der Besonderheiten dieses Verlaufs wirft Licht auch auf den ganzen Prozess der Grammatikalisierung von хотѣти. Die sprachgeographische Untersuchung der Verben für 'wollen' in positiven und negativen